

КАРТОГРАФИРОВАНИЕ БАЗОВЫХ И МОРАЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ ПОЖИЛЫХ ЖИТЕЛЕЙ «ДЕПРЕССИВНЫХ» ТЕРРИТОРИЙ КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Татьяна Валентиновна Жигальцова

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
17 наб. Северной Двины, Архангельск, Россия
zhitava@gmail.com

А н н о т а ц и я : В статье представлен обзор основных теоретических подходов к проблеме происхождения «базовых» и «моральных» эмоций, соотношения эмоций и пространства в таких научных сферах, как культурная антропология, социология, психология, начиная с 1980-х гг. Приводятся примеры современных исследований, в которых методами исследования эмоционального облика городов становятся различные визуализации базовых и моральных эмоций при помощи приложений и компьютерных программ. Автором на основе анонимного анкетирования пожилых, постоянно проживающих в сельских поселениях северной части России, созданы эмоциональные карты полузаброшенных поселений Архангельской области (с. Ворзогоры, Малошуйка, п. Комсомольский) в 2017–2022 гг. Картографирование эмоций позволило визуализировать проблемные эмоциональные локусы, выявить существование эмоциональной сегрегации и мест смешанных эмоций, определить границы эмоционального пространства. В результате полевых наблюдений и анализа тревел-блогов автор делает предположение о существовании латентного «конфликта эмоций» между различными социально-возрастными группами, суть которого заключается в столкновении базовых и моральных эмоций. Необходима профилактическая работа не только с местами базовых эмоций, такими как тревога и отвращение, но и с местами моральных эмоций — гордости и стыда, которая способствует предотвращению потенциальных конфликтных ситуаций как внутри сообщества между различными возрастными группами, так и между местными жителями и туристами / мигрантами, сохранению эмоционального здоровья пожилых жителей, их чувства безопасности, что в конечном итоге способствует устойчивому развитию местного сообщества.

К л ю ч е в ы е с л о в а : антропология эмоций, эмоциональная география, базовые и моральные эмоции, картографирование, депрессивные территории.

Д л я с с ы л о к : Жигальцова Т. Картографирование базовых и моральных эмоций пожилых жителей «депрессивных» территорий как один из инструментов предупреждения эмоциональных конфликтов // Антропологический форум. 2023. № 58. С. 278–302.

doi : 10.31250/1815-8870-2023-19-58-278-302

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/058/zhigaltsova.pdf>

MAPPING OF BASIC AND MORAL EMOTIONS OF ELDERLY RESIDENTS OF “DEPRESSED” TERRITORIES AS A TOOL OF EMOTIONAL CONFLICT PREVENTION

Tatiana Zhigaltsova

Northern (Arctic) Federal University
17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, Russia
zhitava@gmail.com

Abstract : The article presents an overview of the main theoretical approaches to the origins of the notions of “basic” and “moral” emotions, and the correlation of emotions and space in such scientific fields as cultural anthropology, sociology, and psychology, starting from the 1980s. Also, the article provides examples of contemporary research which utilizes the visualization of basic and moral emotions by means of applications and computer software as a method of studying the emotional image of the city (cities). In 2017–2022, the author created emotion maps of semi-abandoned Vorzogory and Maloshuika villages and Komsomolsky settlement of the Arkhangelsk region (northern Russia), based on anonymous questionnaires among their permanent senior residents. Mapping of emotions made it possible to visualize problem emotional loci, to reveal the existence of emotional segregation and places of mixed emotions, and to determine the borders of emotional environments. As a result of field observations and analysis of travel blogs, the author concludes that there is a “a conflict of emotions”, i.e. a contradiction between the basic and moral emotions. Not only places of basic emotions, such as anxiety and disgust, but also places of moral emotions, such as pride and shame, require preventive work, aimed at avoiding potential community conflicts, as well as conflicts between the local populations and tourists/migrants, preserving emotional health of senior citizens, and in the end, promoting sustainable development of local communities.

Keywords : anthropology of emotions, emotional geography, basic and moral emotions, mapping, depressed areas.

To cite : Zhigaltsova T., ‘Kartografirovanie bazovykh i moralnykh emotsiy pozhiykh zhitel’ey “depressivnykh” territoriy kak odin iz instrumentov preduprezhdeniya emotsionalnykh konfliktov’ [Mapping of Basic and Moral Emotions of Elderly Residents of “Depressed” Territories as a Tool of Emotional Conflict Prevention], *Antropologicheskij forum*, 2023, no. 58, pp. 278–302.

doi : 10.31250/1815-8870-2023-19-58-278-302

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/058/zhigaltsova.pdf>

Татьяна Жигальцова

Картографирование базовых и моральных эмоций пожилых жителей «депрессивных» территорий как один из инструментов предупреждения эмоциональных конфликтов

В статье представлен обзор основных теоретических подходов к проблеме происхождения «базовых» и «моральных» эмоций, соотношения эмоций и пространства в таких научных сферах, как культурная антропология, социология, психология, начиная с 1980-х гг. Приводятся примеры современных исследований, в которых методами исследования эмоционального облика городов становятся различные визуализации базовых и моральных эмоций при помощи приложений и компьютерных программ. Автором на основе анонимного анкетирования пожилых, постоянно проживающих в сельских поселениях северной части России, созданы эмоциональные карты полузаброшенных поселений Архангельской области (с. Ворзогоры, Малошуйка, п. Комсомольский) в 2017–2022 гг. Картографирование эмоций позволило визуализировать проблемные эмоциональные локусы, выявить существование эмоциональной сегрегации и мест смешанных эмоций, определить границы эмоционального пространства. В результате полевых наблюдений и анализа тревел-блогов автор делает предположение о существовании латентного «конфликта эмоций» между различными социально-возрастными группами, суть которого заключается в столкновении базовых и моральных эмоций. Необходима профилактическая работа не только с местами базовых эмоций, такими как тревога и отвращение, но и с местами моральных эмоций — гордости и стыда, которая способствует предотвращению потенциальных конфликтных ситуаций как внутри сообщества между различными возрастными группами, так и между местными жителями и туристами / мигрантами, сохранению эмоционального здоровья пожилых жителей, их чувства безопасности, что в конечном итоге способствует устойчивому развитию местного сообщества.

Ключевые слова: антропология эмоций, эмоциональная география, базовые и моральные эмоции, картографирование, депрессивные территории.

Введение

Основной фокус исследования — изучение эмоционального пространства пожилых, проживающих в небольших сельских полузаброшенных поселениях разной планировки, с целью создания для них более комфортной среды.

В мире доля пожилых постоянно увеличивается. По оценкам экспертов, население северных территорий¹ будет стареть, как и везде в мире [Skrupskaya 2020: 32], при этом «на Севере формируется внушительная пенсионерская когорта», по статусным, медицинским и иным причинам не желающая переезжать в районы с более благоприятным климатом [Замятина 2019].

Жигальцова Татьяна Валентиновна
Северный (Арктический)
федеральный университет
им. М.В. Ломоносова,
Архангельск, Россия
zhitava@gmail.com

¹ Под северными территориями в статье понимается Евро-Арктический (Баренцев) регион, в состав которого входит Архангельская область.

Помимо процесса старения населения, для северных территорий характерна постоянная убыль молодого поколения. Сельские поселения находятся в зоне риска, поскольку ежегодный отток работоспособного населения в более крупные центры из-за нехватки работы, жилья, тяжелых физических условий крайне высок: «В группу проблемных регионов входит также значительная часть северных территорий, где типичные негативные факторы (неблагоприятный климат и высокая стоимость жизни, повышенные производственные и транспортные издержки, экологическая уязвимость и т.п.) в настоящее время не компенсируются сильными конкурентными преимуществами в виде богатейших ресурсов»¹. Такие удаленные полузаброшенные территории с высоким процентом убывающего молодого населения называют «депрессивные территории» — «район в большом городе или части страны, где дома и другие здания находятся в плохом состоянии, уровень безработицы высок, а многие люди бедны»².

Высокая текучесть населения способствует ослабеванию эмоциональной связи с местом проживания [Livingston et al. 2008]. В научной литературе «депрессивные территории» связываются не только, скорее даже не столько с низким экономическим развитием и оттоком населения, сколько с состоянием депрессии, в котором находятся жители таких территорий. Например, термином «арктическая депрессия» обозначается коллективная депрессия, характерная для территорий с дефицитом солнечного света в зимние месяцы [Лобова 2018].

На Севере существует множество городов разных типов: ключевые многофункциональные (университетские) центры, периферийные административные центры, города-пригороды разной специализации, удаленные промышленные центры [Замятина 2020]. Чаще всего интерес в контексте исследования эмоциональных связей, привязанности, идентичности вызывает последний тип — удаленные промышленные центры, заселенные с середины XX в. первым поколением трудовых мигрантов, вынужденных приспосабливаться к иным природно-климатическим условиям. Эти «суровые города», которые «часто не считаются ни красивыми, ни достойными жизни, стали домом для некоторых людей» [Bolotova, Stammner 2010]. Привязанность к таким промышленным центрам объясняется экстремальными

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 10.07.2001 № 910-р (ред. от 06.06.2002) «О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002–2004 годы)». П. 4.1. <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32708/3b3b53006caa0494391f22e898ffba8e1a78716b/>.

² Depressed area // Longman Business Dictionary. <<https://www.ldoceonline.com/dictionary/depressed-area>>.

эмоциями, которые испытывает человек только на Севере: «[М]ожно выделить несколько преобладающих эмоций: гордость, выражающаяся в выборе профессии, чувство общности, проявляющееся в наличии “северной” системы жизненных ценностей, и эстетическое чувство — восхищение северной природой. Все экстремальные эмоции невозможно было получить, не приехав на работу на Север» [Клюева 2018: 66, 71].

При этом исследование небольших лесных поселков, созданных в тот же период и находящихся сейчас в полузаброшенном состоянии из-за закрытия лесодобывающих предприятий, не получило должного освещения в научной литературе. Необходимо отметить, что освоение Севера имеет многовековую историю. Многие исторические поморские села также находятся в заброшенном (Нименьга, Кушерека, Унежда) и полузаброшенном состоянии (Ворзогоры, Малошуйка). Вышеназванные процессы старения населения, текучесть молодежи, риск развития депрессии среди населения меняют роль небольших городов и поселений, в которых существует очевидная потребность в формировании благоприятной и жизнестойкой среды для пожилых людей [Global Age-friendly Cities 2007].

В нашем исследовании сделан акцент на психоэмоциональном аспекте проживания на северных полузаброшенных территориях: преобладают ли среди пожилого населения негативные эмоции по отношению к своему населенному пункту, в каких местах пожилые чувствуют себя комфортно, радостно, испытывают интерес, гордость, а где испытывают тревогу, печаль, отвращение, стыд?

Исследовательский интерес к историческим поморским селам возник после проведения полевой архитектурно-этнографической работы в 2018–2019 гг. под руководством заведующей Научного центра традиционной культуры и музейных практик ФИЦКИА УрО РАН доктора культурологии А.Б. Пермиловой. В результате исследования совместно с младшим научным сотрудником А.А. Усовым проведено 24 глубинных интервью, выполнены архитектурные обмеры хозяйственных и жилых построек. В ходе наблюдения отмечена тревога местных жителей по отношению к приезжающим туристам, что вызвало дополнительный исследовательский интерес, который и был положен в основу настоящей работы. Тревога была спровоцирована вступлением села в 2017 г. в Ассоциацию самых красивых городов и сел, против которого выступила часть жителей¹.

---

¹ См.: [Карпович 2017].

Цель исследования — проанализировать структуру эмоциональных пространств и создать эмоциональные карты сельских полузаброшенных поселений северного региона России в презентации жителями пожилого возраста (от 50 лет и старше).

Потенциально создание эмоциональных карт может являться инструментом профилактики эмоциональных конфликтов между постоянным населением таких поселков и приезжими, а также между различными возрастными группами постоянного населения и служить созданию более комфортной среды, развитию туристической инфраструктуры и т.д.

Основной задачей исследования стало выявление и визуализация мест эмоциональной привязанности (позитивные эмоции) и отторжения (негативные эмоции) среди пожилых жителей «депрессивных территорий» Архангельской области: исторических поморских сел Малошуйка и Ворзогоры Онежского района, ведущих свою историю с XVII в., и поселка Комсомольский Вельского района как примера временного поселка, созданного в середине XX в. с целью добычи леса и обработки древесины.

Обзор литературы

Базовые и моральные эмоции

Началом дискуссии о природе эмоций у человека послужила работа Ч. Дарвина «Выражение эмоций у человека и животных» (1872), в которой автор утверждал, что эмоции являются функцией, сигнализирующей другим о намерении, поэтому они имеют решающее значение для выживания [Darwin 1872]. Исследователь П. Экман провел ряд экспериментов среди американских, японских респондентов и представителей коренных народов Новой Гвинеи в 1967–1968 гг. с целью опровергнуть гипотезу Ч. Дарвина о биологической (врожденной) природе эмоций и доказать, что «выражения лица и жесты являются результатом социального научения и меняются от культуры к культуре» [Экман 2010: 6–7]. Однако в результате исследования он пришел к обратному выводу об универсальности таких базовых (врожденных) эмоций, как счастье (happiness), печаль (sadness), гнев (anger), удивление (surprise), страх (fear), отвращение (disgust), которые отличают быстрое начало, короткая продолжительность, непредвиденность появления и др. [Экман 2010]. Позже была добавлена эмоция презрения (contempt) [Ekman, Cordaro 2011].

Идеи П. Экмана неоднократно подвергались критике, поскольку было доказано, что эмоциональное выражение в значительной степени создается под влиянием социального контекста,

а базовые эмоции не могут быть идентифицированы исключительно набором отличительных характеристик [Kowalska, Wrobel 2017: 4]. Однако термин «базовые» в значении «врожденные» эмоции прочно укрепился в научной литературе.

Базовые эмоции подробно изучались в 1980–1990-е гг., а список базовых эмоций постоянно менялся. Т. Кемпер, основываясь на идеях Аристотеля, выделял такие базовые эмоции, как страх (fear), гнев (anger), депрессия (depression), удовлетворение (satisfaction) [Kemper 1978]. К. Изард предложила свой список базовых эмоций, в который вошли интерес (interest), волнение (excitement), радость (joy), удивление / испуг (surprise / startle), страдание / тоска (distress / anguish), отвращение / презрение (disgust / contempt), гнев / ярость (anger / rage), стыд / унижение (shame / humiliation), страх / ужас (fear / terror) [Izard 1980]. К этим спискам были добавлены принятие (acceptance) и предвкушение (anticipation) [Plutchnik 1980], «великодушные» (generosity), ревность (jealousy) [Lindholm 1982].

Диалектика эмоций рассматривалась исследователями как движущая сила поведения человека: «Я утверждаю, что существует универсальная модель эмоций, диалектика между любовью и ненавистью, единением и разделением, сообществом и индивидом, которая должна находить выражение в любом обществе» [Lindholm 1982: 273]. Исследования неевропейских культур [Lindholm 1982] и, более поздние, незрячих людей [Matsumoto, Willingham 2009] подтверждали врожденность невербальных выражений и их универсальный характер.

В целом эта концепция не потеряла актуальности, а список базовых эмоций постоянно расширяется. В него были добавлены облегчение (relief), любовь (love) [Levenson 2011] и др. [Kowalska, Wrobel 2017].

К *культурно обусловленным (моральным)* эмоциям относят гордость (honor) и стыд (shame) [Herzfeld 1980]. Представители данного направления считают эти эмоции исключительно культурными конструкциями. Например, гордость — часть японской культуры наряду с моральным долгом [Linger 2007: 188]. Социолог Р. Харр в качестве примера приводил эмоцию «стыд за незнакомца», характерную только для испанской культуры [Harre 1986]. Исследования стыда затрагивают проблемы взаимоотношений власти и различных социальных движений, поскольку стыд связан с несоответствием человека, его поступков и мыслей усвоенным общественным стандартам и, с одной стороны, является механизмом самоконтроля, а с другой стороны, может применяться для укрепления систем господства и стратификации в обществе [Flam 2005: 22]. Это объясняется тем, что в процессе эмоционального восприятия выделяются

четыре этапа: возбуждение, внимание, оценка, преодоление (контроль) [Küller 1991], и именно в моральных эмоциях оценку производит общество / культура / власть.

Таким образом, в науке сложились два подхода к происхождению эмоций, которые совпали с развитием других научных направлений. *Биологический подход* тесно связан с дарвинизмом, этологией, кросс-культурной психологией, социобиологией, биологической антропологией, психоаналитической антропологией и др. [Lutz, White 1986: 410]. *Социально-культурный подход* опирается на ряд научных традиций, таких как этнопсихология, исторический материализм, структурализм, теория обмена (exchange), лингвистические и иные развивающиеся направления [Lutz, White 1986: 406, 417, 420]. Примером срединной позиции и восприятия эмоций ни как биологического, ни как культурного феномена является позиция исследователя Уильяма Редди [Николаи, Хазина 2015: 103].

Человек испытывает базовые и моральные эмоции не только по отношению к другим людям, но и к «животным, пейзажам, материальным объектам, изображениям или событиям, которые эмоционально влияют на людей» [Svasek 2012: 4]. Особый интерес представляет изучение *эмоций, которые испытывает человек к определенным местам в пространстве*. Связь между человеком и местом описывается термином «чувство места» (sense of place) и связанными с ним концептами — place identity, place attachment, place dependency, insidersness / insidedness [Convery, Corsane, Davis 2012: 2].

Большинство теорий о сильной связи между человеком и местом опираются на идею привязанности (attachment), автором которой является психолог Джон Боулби [Bowlby 1969]. Привязанность возникла в результате эволюции инстинкта и опирается на такие врожденные эмоции, как беспокойство, ревность, страх, агрессия по поводу разлуки и любовь, когда привязанность достигнута [Lutz, White 1986: 411].

Выделяют сильную и слабую привязанность к месту. Сильная связь напрямую зависит от времени проживания, местного происхождения, статуса человека и прочих факторов [Hay 1998]. Места в городском пространстве могут вызывать у человека такие формы привязанности, как любовь, страсть, благоговение и пр. [Эллард 2016]. Ослабеванию связи с местом способствуют преступность и высокая текучесть населения [Livingston et al. 2008]. Эрозию привязанности человека к месту вызывает базовая эмоция — страх. Исследователь К. Радина выявила существование двух видов страха среди горожан — «иррационального страха» и «страха-риска» в значении риска как угрозы [Радина 2012].

Визуализация эмоций

Самый известный пример визуализации эмоций — «Атлас эмоций», созданный в 2000–2016 гг. Полом и Ив Экман по просьбе духовного лидера буддийских регионов мира Далай-ламы XIV и размещенный на сайте <<http://atlasofemotions.org>>. Целью проекта стало создание платформы, при помощи которой человек мог бы осознать свои эмоции и развить «спокойный ум» (“calm mind”). Атлас основан на опросе 248 специалистов, занимающихся изучением эмоций. В итоге в атлас вошли всего пять эмоций: удовольствие (enjoyment), печаль (sadness), отвращение (disgust), гнев (anger) и страх (fear). Видим, что вместо двух положительных эмоций — счастья (happiness) и удивления (surprise) из предыдущего перечня базовых эмоций Пола Экмана в атлас вошла эмоция удовольствия (enjoyment). Таким образом, «Атлас эмоций» — своеобразный итог дискуссии о перечне базовых (универсальных) эмоций, который удовлетворил ведущих современных исследователей эмоциональной сферы человека.

Художник и исследователь К. Нольд предложил способ фиксации физиологических эмоций при помощи метода «биокартирования» (Bio Mapping), заключающегося в регистрации кожно-гальванических реакций (Galvanic Skin Response) респондентов, указывающих на их эмоциональное возбуждение в зависимости от геолокации. За пять лет начиная с 2004 г. им созданы эмоциональные карты Парижа, Сан-Франциско и других городов на основе исследований более двух тысяч респондентов. Результаты представлены на сайте <<http://biomapping.net>> и в научно-популярной брошюре [Nold 2009]. Ярко-красным цветом на картах городов отмечены точки максимально высокого физиологического возбуждения, а темно-бордовым — точки спокойствия. Кроме этого, на карте указаны некоторые высказывания респондентов о своих ощущениях во время прохождения пути (передвижения по городу).

Группа исследователей из Университета Западного Сиднея разработала еще один способ картографирования эмоций горожан на основе опросов жителей при помощи приложения Invisblecity [Dietz et al. 2018]. Метод апробирован на молодых людях в городе Парраматте и на всех возрастных группах Западного Сиднея. Результатом стала разработка онлайн-платформы <www.invisblecity.org.au> и ряда семинаров для специалистов креативных индустрий, побуждающих к «разговору о городе». Карта <<https://app.invisblecity.org.au/>> демонстрирует, сколько горожан отметили то или иное место, какие эмоции были с ним соотнесены. В список эмоций входят: взволнованный (excited), довольный (content), счастливый (happy), задум-

чивый (thoughtful), гордый (proud), подавленный (depressed), грустный (sad), сердитый (angry), тревожный (anxious), удивленный (surprised), напуганный (fearful). Перечень эмоций достаточно большой, в него вошла, помимо базовых, и моральная эмоция — гордость.

Еще один пример эмоционального картографирования — интерактивная платформа Imprecity, разработанная для исследования эмоций горожан, проживающих в Санкт-Петербурге [Nenko, Petrova 2018]. Список изучаемых эмоций составлен на основе перечня базовых эмоций Пола Экмана: радость, злость, грусть, страх, отвращение, удивление. Каждая эмоция была соотнесена с определенным цветом и эмодзи. На карте также присутствуют высказывания респондентов об отмеченном ими месте. Чаще всего это либо личная история, либо общее впечатление о месте.

Таким образом, увеличивающееся разнообразие подходов и современных методов исследования эмоциональной сферы человека свидетельствует о неснижающемся научном интересе к данной теме и ее постепенном переходе в междисциплинарное русло.

Материалы и методы исследования

Научным направлением, которое связывает антропологию эмоций, психологию эмоций с урбанистическими исследованиями и средовой психологией, является эмоциональная география — относительно новая область знаний, которая расширяет рамки исследовательского поля, включая в себя территориальную направленность. Наиболее близко к нашему пониманию определение, согласно которому эмоциональная география должна иметь дело со способами рассмотрения того, как эмоции жителей составляют пространственно-временную композицию [Anderson 2009: 189]. Дисциплинарное положение и смысловое наполнение термина «эмоциональная география» обсуждались в ряде работ [Anderson, Smith 2001; Bondi 2005; Pile 2010]. Для дальнейшего развития области эмоциональной географии важно расширить ее концептуальную базу и использовать новые методы визуализации результатов — картографическую методiku, позволяющую наносить эмоционально заряженные места на физическую карту населенного пункта.

Исходя из вышеописанной дискуссии о базовых и моральных эмоциях, для нашего исследования эмоции классифицированы следующим образом.

1. Базовые (врожденные / биологические):

- позитивные — радость (joy), интерес (interest), комфорт (ease);

— негативные — тревога (anxiety), отвращение (disgust), печаль (sorrow).

2. Моральные (культурно-обусловленные):

— позитивные — гордость (pride);

— негативные — стыд (shame).

Для соответствующих эмоций использована определенная колористика: позитивные эмоции соотнесены с зелеными и голубыми цветами, а негативные — с красно-коричневыми. В основе выбора данной цветовой схемы лежит выявленная исследователями Р. Д'Андрадом и М. Иганом корреляция эмоций с определенными цветами [D'Andrade, Egan 1974]. На основании кросс-культурного «теста на определение цветовых и эмоциональных ассоциаций» авторы выяснили, что термины, обозначающие эмоции с негативным подтекстом: печаль (sadness), испуг (fear), гнев (anger) — соотносились респондентами с пурпурными и желто-красными цветами, а термины, обозначающие эмоции с положительной коннотацией — счастье (happiness), — с сине-зелеными цветами [D'Andrade, Egan 1974: 61]. Второй вывод исследователей заключался в том, что эмоциональные ассоциации связаны в первую очередь не с фактическим оттенком или длиной волны света, а со степенью насыщенности и яркости, например если желтый объект кажется веселого цвета, то это происходит не из-за желтого оттенка, а потому что цвет объекта светлый и насыщенный, в то время как темный и ненасыщенный желтый не будет казаться таковым [D'Andrade, Egan 1974: 62].

В период с 2017 по 2022 г. было проведено анонимное анкетирование жителей сельских полузаброшенных поселений Архангельской области — исторических поморских сел Малошуйка¹ (примерная численность проживающих в зимнее время коренных жителей — 200 чел.) и Ворзогоры (примерная численность проживающих в зимнее время коренных жителей — 50 чел.), расположенных на побережье Белого моря, и поселка Комсомольский (примерная численность проживающих в зимнее время коренных жителей — 400 чел.), образованного в середине XX в. с целью добычи и обработки леса силами переселенцев со всего Советского Союза [Zhigaltsova 2020]. Выбор поселений обусловлен тем, что они соответствуют внешним критериям «депрессивных территорий»: отсутствие рабочих мест, постоянная убыль населения, аварийный жилой фонд, численное преобладание пожилых жителей. У всех исследуемых поселений разный тип застройки и расположение центральной площади:

---

¹ Современное название села — деревня Абрамовская.

в Малошуйке преобладает «рядовой» с элементами «кучевой» планировки с небольшой площадью у памятника погибшим солдатам в период Великой Отечественной войны, в Ворзогорах — «смешанный» («лучевой», «рядовой» и «уличный»)¹ с большим открытым пространством перед местной библиотекой, в Комсомольском — «уличный» тип планировки с небольшой сценой на перекрестке дорог.

Респонденты были проинформированы о целях анонимного исследования. Разработанная анкета состояла из простых открытых вопросов. Респонденты не выбирали из предложенного списка, а свободно и самостоятельно называли места, вызывающие у них те или иные базовые и моральные эмоции, например:

1. Какие места в вашем селе вам интересно посещать?
2. В каких местах вы чувствуете себя комфортно, спокойно?
3. Какие места вызывают отвращение?²

По желанию респондент мог дать более полную характеристику места — описать свои чувства, личные истории, запах, атмосферу. На заполнение анкеты требовалось 20–25 минут. Персональные данные, позволяющие идентифицировать респондента, не собирались. Открытая анкета упростила фиксацию и подсчет указанных респондентами личных эмоциональных мест с особым вниманием к их расположению на физической карте поселения.

Помощь в сборе анкет оказали местные жители, сотрудники библиотек и местных музеев. Чаще всего использовался метод «снежного кома», кроме того, анкеты предлагалось заполнить посетителям библиотек. Выборка по возрасту производилась уже после получения всех анкет. В статье представлен результат анкетирования жителей старше 50 лет.

Было принято решение наносить на карту только те места, которые назывались тремя разными респондентами одной возрастной группы (в данном случае пожилыми людьми), что свидетельствовало бы о том, что данное место является эмоционально значимым для этой возрастной группы в эмоциональном пространстве поселения. После отбора анкет в разработку эмоциональных карт жителей пожилого возраста вошли ответы 40 человек из п. Комсомольский, 20 человек из с. Малошуйка, а также шести человек из села Ворзогоры, что составляет примерно 10 % от общей численности населения.

¹ См.: [Жигальцова, Усов 2020].

² В сокращенном варианте анкета опубликована в других работах автора [Zhigaltsova 2020; 2022].

Карты размещены на персональном сайте автора статьи¹. В разработке карт также принимали участие видеохудожник Сергей Жигальцов и переводчик Анна Кондакова.

В дополнение к проведенному исследованию был осуществлен анализ туристических видео- и текстовых заметок о с. Ворзого-ры, опубликованных в период с 2017 по 2021 г. в популярных тревел-блогах с открытым доступом² с целью выявить перечень мест, вызывавших особый интерес среди туристов, и сравнить его с перечнем эмоциональных мест коренных жителей.

Результаты

Картографирование эмоций

Нанесение эмоциональных мест на физические карты выявило общие и особенные черты в эмоциональном пространстве всех трех населенных пунктов.

Картографирование мест, ассоциирующихся у жителей с той или иной эмоцией, позволило *визуализировать проблемные эмоциональные локусы*, стягивающие на себя негативные эмоции (ил. 1–2 на цветной вклейке).

Сравнив все три карты, видим, что общими местами, вызывающими негативные эмоции среди пожилых жителей, являются заброшенные жилые здания, разрушенные колхозные и лес-промхозные постройки советского периода, а также мусорные свалки.

Расположение мест негативных эмоций. Многие негативные места в с. Малошуйка расположены вдоль реки: стыд вызывают заброшенные дома и животноводческая ферма («за ферму колхозную, которую разорили, людям нет работы», 66, жен.), тревогу — зарастающие сенокосные поля («сенокосы не убираются, все зарастает», 57, муж.), мельчающая река («река, которая мелеет и зарастает», 50, жен.). Отвращение — мост («мост, на котором пьяные машинисты не дают проходу людям пожилого возраста», 57, муж.). Стыд, отвращение, тревогу вызывает свалка мусора на окраине.

В с. Ворзогоры стыд и отвращение также соотносятся с заброшенными постройками — дома, животноводческая ферма, общественный гараж, а также мусорные кучи, которые спонтанно появляются в природных углублениях — ямах. Появляется новая эмоция — печаль по отношению к полуразрушен-

¹ Проект «Эмоциональная география северных городов и поселений». <<http://emogeography.com/>>.

² Например, см.: [Варандей 2011; Мароховец 2018; Исаев 2019; Тревел блог 2021] и др.

ным домам. Негативные эмоции вплетены в эмоциональное пространство Ворзогор, а не сосредоточены где-то в одном месте.

В этом отношении отличается карта п. Комсомольского, в котором негативные эмоции локализованы на северо-восточной части карты: это въезд в поселок, территория заброшенного лесозавода, здание местной администрации, кладбище. Последние два места не были названы в исторических поселениях, но мотивация такая же — заброшенность, неустроенность, отсутствие содержания. Для пожилых жителей п. Комсомольского все это места моральной эмоции стыда: заброшенность могил на кладбище; бездействие местной администрации: «[3]а место нет стыда! Стыдно за тех, кто довел до умирания такие поселки, деревни, мелкие населенные пункты» (80, жен.), «это администрация, которой наплевать, что поселок гибнет, а старики не хотят уезжать из поселка» (74, жен.).

Повышенная тревожность — специфическая черта эмоционального пространства п. Комсомольский. Необходимо отметить, что некоторые ответы пожилых жителей п. Комсомольский содержат указание на тревожные эмоции по отношению ко всему поселку в целом, а не к конкретным местам: «[В]есь поселок, его будущее...» (тревога, 63, жен.), «то, что сейчас поселок уничтожают, работы нигде нет. Закрыли школу, больницу, спортзал, а это все вызывает тревогу» (тревога, 74, жен.).

Расположение мест позитивных эмоций. В позитивном эмоциональном пространстве исследуемых поселений выделяются центр и периферия. Эмоциональные карты (ил. 1–2) наглядно демонстрируют наличие нескольких эмоциональных центров: по два в с. Малошуйка и п. Комсомольский и один в с. Ворзогоры. Несмотря на разный тип застройки, центрами, стягивающими на себя положительные эмоции радости, интереса, комфорта, гордости, среди пожилых жителей являются архитектурные ансамбли и публичные места — библиотеки, музеи, клубы, памятники солдатам, погибшим в Великой Отечественной войне.

Пространство за физическими пределами населенных пунктов также вызывает положительные эмоции — комфорт, радость, интерес: «[И]нтересно в лес за грибами, ягодами» (интерес, 63, муж.), «отдых на природе» (комфорт, 65, муж.), «на море и в лесу» (радость, 64, жен.). Респондентами назывались такие места, как лес, гора, море, пляж, песчаный карьер, Белое море, места сбора ягод и грибов, озера. Все это свидетельствует о том, что позитивное эмоциональное пространство гораздо шире физических границ населенных пунктов и достигает пределов примерно на расстоянии 15–20 км.

Карты демонстрируют существование *мест смешанных эмоций* — когда одно место / объект одновременно вызывает как позитивные, так и негативные эмоции у разных людей. Чаще всего это социально значимые объекты — заброшенные и опустевшие здания (школы, клубы, спортивные залы) и здания на грани закрытия (школы, больницы, детские сады, почта). Печаль и тревога за будущее этих зданий смешиваются с позитивными воспоминаниями о прошлом: «Я 50 лет отдала школе, работала здесь и горжусь ей: я все воскресенья, каникулы проводила со школьниками. А сейчас закрыли школу» (гордость и печаль, 74, жен.). Кроме социально значимых объектов, смешанные эмоции вызывают прилегающие к населенному пункту лес и реки из-за мусора, зарастания и в целом вреда, нанесенного человеком окружающей природе: «[О]крестные леса (бесконтрольная вырубка и мусор)» (тревога, 58, жен.), «река. [Л]юди не жалеют, кидают [мусор. — Т.Ж.], мало чистят» (тревога, 62 жен.) — в сочетании с радостью, интересом и комфортом от времени пребывания там.

Наличие мест смешанных эмоций в эмоциональном пространстве поселения — источник внутреннего напряжения, особенно когда одно место / объект одновременно вызывает как позитивные, так и негативные эмоции. Однако напряжение может возникнуть не из-за явного противопоставления положительных и негативных эмоций, а из-за столкновения базовых и моральных эмоций у разных социально-возрастных групп (пожилое и молодое население, коренное население и приезжие).

Конфликт эмоций

Нанесение на карту не только базовых, но и моральных эмоций гордости и стыда (ил. 3) позволило выявить противоречие в восприятии одного и того же места жителями и приезжими.

Незнание и непонимание важности мест гордости и стыда в эмоциональном пространстве какой-либо социально-возрастной группы может спровоцировать конфликтную ситуацию. Эмоции заставляют человека выйти из своего стационарного состояния в мир действия и поступков [Zhigaltsova 2018: 359]. Признаками конфликта являются поведенческие проявления участников ситуации, противоречие между участниками ситуации, а также аффективные проявления [Гришина 2008: 203].

В качестве примера *конфликта* можно привести ситуацию отказа местных жителей от вступления исторического поморского с. Ворзогоры в Ассоциацию самых красивых деревень с целью увеличения туристического потока и в перспективе экономического развития региона. Свой отказ пожилые местные жители объясняли тем, что потенциальные туристы будут относиться

к ним и их селу «как к аборигенам» (60, муж.), «ходить тут все рассматривать» (89, жен.), «мусор начнут кидать. Туалета, вон, даже общественного нет. А кто убирать будет?» (79, жен.). Более подробно позиция по отношению к приезжающим туристам представлена в комментариях к статье «Деревня раздора: жители онежских Ворзогор отказали турбизнесу ради спокойного лета». См. комментарии к [Карпович 2017] (орфография и пунктуация авторов изменены в соответствии с нормами русского языка):

1. Дорогие мои земляки-онежане. Я сейчас живу в Архангельске, но только зимой. Летом — в деревню. И против туристов, которые едут только побалдеть, а не помочь. После них остается только куча мусора и проблем. В деревне они по большому счету никому не нужны, кроме турфирм. Это не те туристы-романтики, которые были в СССР. Я посмотрелся на их дикие «пикники». Ведут себя как дикари, даже хуже. Да вы и сами все прекрасно понимаете, кого к вам сватают. Так что боже упаси, про да подальше.

2. Вы не живете в этой деревне и никогда там не были... Если бы приезжали и не оставляли за собой где попало бутылки, упаковки от чипсов и т.д., все были бы рады. Это во-первых, а во-вторых, в деревне 1 колодец с питьевой водой, на который приезжают не только попить воды, но некоторые индивидуумы еще моются прямо из ведра. Кому это понравится????

Туристы воспринимаются как угроза чистой питьевой воде, источник мусора и шума. Отсутствие общественного туалета также вызывает обоснованное недовольство. Собственный мусор, как показали результаты исследования, и так вызывает стыд у пожилых людей, а дополнительный мусор только усугубит ситуацию.

Для жителей местный объект культурного наследия (церковный архитектурный ансамбль) — это место гордости, а для туристов — всего лишь место интереса, к которому они относятся, по мнению местных, без должного уважения, оставляя мусор и сжигая обшивку храмов: «[К]остры тут жгли, обшивку у церкви оторвут и в костер» (85, муж.). Наследие (история места, объекты наследия) дает местным жителям ощущение личной преемственности с точки зрения их идентичности, чувство отличия от других людей или групп [Convery, Corsane, Davis 2012: 237].

Чтобы выявить, какие конкретно места вызывают интерес среди туристов в с. Ворзогоры, были проанализированы туристические отзывы тревел-блогеров. В результате анализа составлен следующий перечень мест:

- 40-метровый пригор (угор) на берегу Белого моря;
- архитектурный ансамбль;
- Белое море;
- Кий-остров (виден с пригора);
- кладбищенская церковь;
- колодец;
- крест поморам-мореплавателям;
- магазезя (общественный амбар);
- музей поморского быта;
- памятник полярному капитану Григорию Ивановичу Попелову;
- памятник уроженцам Ворзогор;
- продуктовый магазин;
- шалаш из веток на пляже (ил. 4).

Из всего списка туристических мест пожилые жители в своих ответах отметили только три — Белое море, пригор, церковный ансамбль. Все эти три места вызывают у них сильную положительную моральную эмоцию — гордость. Потребительское отношение к местам гордости может обижать. Эмоциональное противоречие может перерасти в эмоциональный конфликт тогда, когда сталкиваются не просто положительные и негативные эмоции, а базовые и моральные эмоции — интерес у туристов и гордость у местных жителей, как в данном случае.

Конфликт эмоций может возникнуть и внутри сообщества, проживающего в поселении, которое не имеет богатой истории, объектов культурного наследия, как в случае с п. Комсомольским, в котором местом гордости является памятник погибшим воинам в Великой Отечественной войне (ил. 3). Мусор, оставленный подростками рядом с памятником, воспринимается пожилыми людьми как акт оскорбления места, которым они гордятся.

Вторая исследуемая моральная эмоция — стыд — зачастую сливается с другими негативными эмоциями, и, в отличие от гордости, ее сложнее соотнести с каким-либо определенным местом или зданием. Но есть исключения. Наше предыдущее исследование эмоционального пространства пожилых жителей небольших арктических городов [Zhigaltsova 2022] показало существование сильнейшего стыда среди шведских пожилых респондентов по отношению к котловану, оставшемуся после незавершенного строительства: «Яма между Хапарандой и Торнио. Провальный проект от начала и до конца. Природа уничтожена» (стыд, 81, жен.) [Zhigaltsova 2022]. Существование негативных базовых эмоций по отношению к городской среде

естественно, а в ряде случаев заряженные отрицательными эмоциями места даже могут играть положительную роль «козла отпущения» как своеобразного механизма защиты эмоционального здоровья жителей: все отрицательные эмоции концентрируются вокруг определенного места, остальная же городская среда воспринимается горожанами как положительная или нейтральная, несмотря на очевидные социальные, экономические, градостроительные и другие проблемы [Zhigaltsova 2018; 2022]. Иначе обстоит дело с моральными эмоциями: стыд и места, его вызывающие, как в случае с котлованом, невозможно игнорировать.

Вероятно, коллективный стыд может стать причиной эмоционального конфликта внутри сообщества, между жителями и местной властью. Для пожилых респондентов п. Комсомольский кладбище — это место стыда из-за заброшенных и неухоженных могил. Гипотетически для молодых людей кладбище может быть местом печали или даже интереса. Ситуация усугубляется всеобщим бездействием, и эмоциональный конфликт становится очевидным. Разумеется, данные предположения требуют дальнейшего изучения.

Результаты сравнительного картографирования и основные выводы

Несмотря на тяжелое экономическое положение, пожилые жители северных поселков не испытывают депрессивных настроений по отношению к своему месту обитания за счет благоприятного эмоционального климата. Однако эмоциональное состояние жителей находится в тесной связи с экономическими и социальными факторами (т.е. термин «депрессивные территории» подтверждает свою двойственную природу).

Гипотеза нашла частичное подтверждение, так как в целом эмоциональное пространство пожилых людей окрашено положительными базовыми эмоциями, такими как радость, интерес, комфорт, и (важно!) моральными, такими как гордость. Тип застройки не оказывал существенного влияния на выбор эмоциональных мест жителями поселений. Как в исторических, так и в неисторических поселениях прежде всего отмечены места, являющиеся частью культурного кода жителей, связанные с историческим прошлым, достижениями данных территорий в былые годы.

Благоприятно влияет на эмоциональный климат этих поселений также их близость к природе. Пространство за пределами физических границ небольших населенных пунктов обладает терапевтическим эффектом, а такие места, как лес, реки, озера, горы, которые вызывают сильные эмоции благоговения, умиро-

творения и мира, получили название «терапевтических ландшафтов» [Convery, Corsane, Davis 2012: 110]. Пребывание в них сокращает стресс и обладает ощутимыми восстанавливающими качествами, повышающими внимание и восприимчивость [Convery, Corsane, Davis 2012: 110]. Однако отметим, что окраины крупных населенных пунктов, напротив, воспринимаются как источник опасности [Радина 2012].

Одновременно с этим выявлены места смешанных эмоций и очаги эмоциональных конфликтов между жителями и туристами / мигрантами, между старшим и младшим поколением. Полученные результаты коррелируют с итогами исследования восприятия арктических городов А.А. Болотовой, в котором автор отмечает, что для приезжающих в восприятии поселения важны в первую очередь эстетические критерии, в то время как «северяне сформировали сложную констелляцию значений и смыслов их места» [Болотова 2014: 188]. Что касается эмоционального восприятия, «конфликт эмоций» видится в столкновении не только положительных и негативных эмоций, но в первую очередь базовых и моральных эмоций (гордость, стыд). Это свидетельствует о необходимости предупредительного отношения к данным территориям.

Эмоциональные карты — лишь временный слепок эмоционального пространства. Темп современной жизни выше, чем в предыдущие столетия. Небольшие полузаброшенные северные поселения также подвержены процессам урбанизации, миграции, информатизации, глобализации и другим явлениям современного мира. На изменение эмоций человека по отношению к окружающей среде влияет деятельность местной власти, различных организаций, личные инициативы местных активистов, урбанистов, художников и множество различных факторов. Однажды сделанный слепок эмоционального пространства уходит в историю с каждым днем и с каждым годом. Профилактическая работа с эмоциональным пространством в исторической перспективе — важнейший элемент региональной политики, которая приведет к поддержанию эмоционального здоровья жителей, укреплению чувства дома, чувства безопасности места и снизит уровень депрессии среди населения.

Возможные эмоциональные конфликты должны учитываться при разработке туристических маршрутов, а также в процессе адаптации мигрантов. Необходим поиск баланса: сохранение чувства безопасности среди местных жителей и поддержание туристического развития региона, например в форме паломнического туризма или совсем маленьких туристических групп, и параллельное создание необходимых условий для благоприятной и жизнестойкой среды для пожилых людей.

Для создания и поддержания эмоционально благоприятной для пожилых людей среды проживания в сельских полузаброшенных поселениях рекомендуется выполнить ряд мер:

- контроль стихийных мусорных свалок и ям;
- реновация и рекультивация заброшенных мест;
- создание и содержание различных природных и прогулочных троп в сельской местности и за пределами физических границ поселений;
- сохранение памятников архитектуры и архитектурной истории поселений — мест гордости;
- открытие дополнительных центров активности для удовлетворения потребности пожилых людей в общении и творчестве;
- наращивание усилий по снижению уровня тревожности среди жителей.

Данное исследование вносит вклад в развитие таких дисциплин, как антропология эмоций, средовая психология, урбанистика. Перспектива дальнейших исследований видится в изучении эмоциональной памяти, глубины и силы эмоциональной привязанности жителей к их окружающей среде в прошлом и настоящем, а также эмоциональных конфликтов во временном контексте, что повлечет за собой смену метода исследования от анонимных опросов и картографирования к глубинным интервью.

Благодарности

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь и поддержку Анне Кондаковой, Галине Мошниковой, Николаю Гунину и всем жителям поселений, принявшим участие в анонимном анкетировании.

Источники

- Варандей. Ворзогоры. У самого синего моря... 2011, 18 июля. <<https://varandej.livejournal.com/390814.html>>.
- Исаев В. На Русский Север! Ч. 4. К Белому морю, к поморам // Туристер. 2019, 14 сент. <https://www.tourister.ru/responses/id_28658>.
- Карпович П. Деревня раздора: жители онежских Ворзогор отказали туризму ради спокойного лета // 29.RU. Архангельск Онлайн. 2017, 22 июля. <<https://29.ru/text/entertainment/2017/07/22/50661741/>>.
- Мараховец А. Ворзогоры: деревня, которая не стала самой красивой в России. 2018, 16 апр. <<https://alexio-marziano.livejournal.com/189160.html>>.
- Тревел блог: Вокруг Света и Паша. Ворзогоры. 2021. <<https://www.youtube.com/watch?v=oSb0-xXoYQg>>.

Библиография

- Болотова А.А. «Если ты полюбишь Север, не разлюбишь никогда»: взаимодействие с природой в северных промышленных городах // Неприкосновенный запас. 2014. № 5 (97). С. 178–188.
- Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2008. 544 с.
- Жигальцова Т.В., Усов А.А. Пространственно-планировочная структура и жилищно-хозяйственный комплекс поселений Онежского Поморья на примере с. Ворзогоры Онежского района Архангельской области // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 180–197. doi: 10.31857/S086954150008767-3.
- Замятина Н.Ю. Население Арктики: старикам здесь не место? // GoArctic. 2019, 13 дек. <<https://goarctic.ru/society/naselenie-arktiki-starikam-zdes-ne-mesto/>>.
- Замятина Н.Ю. Арктическая урбанизация: феномен и сравнительный анализ // Вестник Московского университета. 2020. № 4. Серия 5: География. С. 69–82.
- Клюева В.П. Бежать нельзя вернуться: экстремальные эмоции некоренных северян // Кунсткамера. 2018. № 2. С. 66–73. doi: 10.31250/2618-8619-2018-2-66-73.
- Лобова В.А. Человек в Арктике: депрессии и удовлетворенность трудом // GoArctic. 2018, 19 апр. <<https://goarctic.ru/society/chelovek-v-arktike-priroda-depressiy/>>.
- Николаи Ф.В., Хазина А.В. История эмоций и «аффективный поворот»: проблемы диалога // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 97–115.
- Радина Н.К. Социальная психология городского образа жизни: город страха // Социальная психология и общество. 2012. № 1. С. 126–141.
- Экман П. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2010. 334 с.
- Эллард К. Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. М.: Альпина Паблишер, 2016. 288 с.
- Anderson B. Emotional Geography // Gregory D. et al. (eds.). The Dictionary of Human Geography. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2009. 1052 p.
- Anderson K., Smith S. Emotional Geographies // Transactions of the Institute of British Geographers. 2001. Vol. 26. No. 1. P. 7–10.
- Bolotova A., Stammler F. How the North Became Home. Attachment to Place among Industrial Migrants in Murmansk Region // Huskey L., Southcott C. (eds.). Migration in the Circumpolar North: Issues and Contexts. Alberta: CCI Press, 2010. P. 193–220.
- Bondi L. Making Connections and Thinking through Emotions: Between Geography and Psychotherapy // Transactions of the Institute of British Geographers, New Series. 2005. Vol. 30. No. 4. P. 433–448.
- Bowlby J. Attachment and Loss: Attachment. N.Y.: Basic Books, 1969. Vol. 1. 325 p.
- Convery I., Corsane G., Davis P. Making Sense of Place: Multidisciplinary Perspectives. Woodbridge: Boydell Press, 2012. 334 p.
- D'Andrade R., Egan M. The Colors of Emotion // American Ethnologist. 1974. No. 1. P. 49–63.

- Darwin C.* The Expression of the Emotions in Man and Animals. L.: John Murray, 1872. 374 p.
- Dietz M., Notley T., Catanzaro M., Sandbach K., Third A.* Emotion Mapping: Using Participatory Media to Support Young People's Participation in Urban Design // *Emotion, Place and Society*. 2018. Vol. 28. P. 9–27.
- Ekman P., Cordaro D.* What Is Meant by Calling Emotions Basic // *Emotion Review*. 2011. No. 3. P. 364–370.
- Flam H.* Emotions' Map: A Research Agenda // *Flam H., King D. (eds.)*. Emotions and Social Movements. L.: Routledge, 2005. P. 19–40. doi: 10.4324/9780203013526.
- Global Age-friendly Cities: A guide. Geneva: World Health Organization, 2007. 82 p. <<https://www.jcafc.hk/uploads/docs/Global-Age-friendly-Cities-A-Guide-1.pdf>>.
- Harre R. (ed.)*. The Social Construction of Emotion. Oxford; N.Y.: Basil Blackwell, 1986. 316 p.
- Hay R.* Sense of Place in Developmental Context // *Journal of Environmental Psychology*. 1998. Vol. 18. P. 5–29.
- Herzfeld M.* Honor and Shame: Problems in the Comparative Analysis of Moral Systems // *Man*. 1980. Vol. 15. P. 339–351.
- Izard C.* Cross-Cultural Perspectives on Emotion and Emotion Communication // *Triandis H. (ed.)*. Handbook of Cross-Cultural Psychology. Boston, MA: Allyn and Bacon, 1980. P. 185–221.
- Kemper T.* A Social Interactional Theory of Emotion. N.Y.: John Wiley, 1978. 459 p.
- Kowalska M., Wrobel M.* Basic Emotions // *Zeigler-Hill V., Shackelford T.K. (eds.)*. Encyclopedia of Personality and Individual Differences. Cham: Springer International Publishing, 2017. P. 1–6. doi: 10.1007/978-3-319-28099-8_495-1.
- Küller R.* Environmental Assessment from a Neuropsychological Perspective // *Gärting T., Evans G.W. (eds.)*. Environment, Cognition and Action: An Integrated Approach. Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 111–147.
- Levenson R.* Basic Emotion Questions // *Emotion Review*. 2011. Vol. 3. No. 4. P. 379–386. doi: 10.1177/1754073911410743.
- Lindholm C.* Generosity and Jealousy: The Swat Pukhtun of Northern Pakistan. N.Y.: Columbia University Press, 1982. 321 p.
- Linger D.* Identity // *Casey C., Edgerton R.B. (eds.)*. A Companion to Psychological Anthropology: Modernity and Psychocultural Change. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publishing, 2007. P. 185–200.
- Livingston M., Bailey N., Kearns A.* People's Attachment to Place — The Influence of Neighbourhood Deprivation. York: Joseph Rowntree Foundation, 2008. 104 p.
- Lutz C., White G.* The Anthropology of Emotions // *Annual Review of Anthropology*. 1986. Vol. 15. P. 405–436.
- Matsumoto D., Willingham B.* Spontaneous Facial Expressions of Emotion of Congenitally and Noncongenitally Blind Individuals // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. No. 1. P. 1–10.
- Nenko A., Petrova M.* Emotional Geography of St. Petersburg: Detecting Emotional Perception of the City Space // *Communications in Computer and Information Science*. 2018. Vol. 859. P. 95–110.

- Nold C.* Emotional Cartography. Technologies of the Self. L.: Space Studios, 2009. <<http://emotionalcartography.net>>.
- Pile S.* Emotions and Affect in Recent Human Geography // Transactions of the Institute of British Geographers: New Series. 2010. Vol. 35. No. 1. P. 5–20.
- Plutchnik R.* Emotion: A Psychoevolutionary Synthesis. N.Y.: Harper & Row, 1980. 440 p.
- Skrupskaya Yu.* Migration in the Arctic Region: Working paper WP7/2020/02 / National Research University Higher School of Economics. Moscow: Higher School of Economics Publ. House, 2020. 41 p. <https://www.hse.ru/data/2020/06/17/1607980066/WP7_2020_02_____.pdf>.
- Svasek M.* Emotions and Human Mobility: Key Concerns // Svasek M. (ed.). Emotions and Human Mobility: Ethnographies of Movement. L.: Taylor & Francis, 2012. 168 p. doi: 10.4324/9780203718681.
- Zhigaltsova T.* Charting of Emotions of the Senior Population of a Small Rural Locality in the Euro-Arctic Zone of Russia // SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences. 2020. No. 3. P. 28–42.
- Zhigaltsova T.* Emotional Tapestry of Small Cities: Emotional Perception of Urban Environments by Swedish and Finnish Senior Citizens // Suomen Antropologi: Journal of the Finnish Anthropological Society. 2022. Vol. 46. No. 2. P. 30–50. doi: 10.30676/jfas.v46i2.102863.
- Zhigaltsova T.* Favorite and Least Favorite Places of the Northern Border Cities // Hossain K., Martin J.M.R., Petreteil A. (eds.). Human and Societal Security in the Circumpolar Arctic: Local and Indigenous Communities. Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2018. P. 357–384.

Mapping of Basic and Moral Emotions of Elderly Residents of “Depressed” Territories as a Tool of Emotional Conflict Prevention

Tatiana Zhigaltsova

Northern (Arctic) Federal University
17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, Russia
zhitava@gmail.com

The article presents an overview of the main theoretical approaches to the origins of the notions of “basic” and “moral” emotions, and the correlation of emotions and space in such scientific fields as cultural anthropology, sociology, and psychology, starting from the 1980s. Also, the article provides examples of contemporary research which utilizes the visualization of basic and moral emotions by means of applications and computer software as a method of studying the emotional image of the city (cities).

In 2017–2022, the author created emotion maps of semi-abandoned Vorzogory and Maloshuika villages and Komsomolsky settlement of the Arkhangelsk region (northern Russia), based on anonymous questionnaires among their permanent senior residents. Mapping of emotions made it possible to visualize problem emotional loci, to reveal the existence of emotional segregation and places of mixed emotions, and to determine the borders of emotional environments. As a result of field observations and analysis of travel blogs, the author concludes that there is a “a conflict of emotions”, i.e. a contradiction between the basic and moral emotions. Not only places of basic emotions, such as anxiety and disgust, but also places of moral emotions, such as pride and shame, require preventive work, aimed at avoiding potential community conflicts, as well as conflicts between the local populations and tourists/migrants, preserving emotional health of senior citizens, and in the end, promoting sustainable development of local communities.

Keywords: anthropology of emotions, emotional geography, basic and moral emotions, mapping, depressed areas.

Acknowledgements

The author expresses sincere gratitude to Anna Kondakova, Galina Moshnikova, Nikolai Gunin and all the inhabitants of Komsomolsky, Maloshuika and Vorzogory, who filled in anonymous questionnaires.

References

- Anderson B., ‘Emotional Geography’, Gregory D. et al. (eds.), *The Dictionary of Human Geography*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2009, 1052 pp.
- Anderson K., Smith S., ‘Emotional Geographies’, *Transactions of the Institute of British Geographers*, 2001, vol. 26, no. 1 pp. 7–10.
- Bolotova A. A., “‘Esl ty polyubish Sever, ne razlyubish nikogda’: vzaimodeystvie s prirodoy v severnykh promyshlennykh gorodakh’ [“If You Love the North You Will Not Stop Loving It”: Interactions with the Nature in the Northern Industrial Cities], *Neprikosnovennyj zapas*, 2016, no. 5(97), pp. 178–188. (In Russian).
- Bolotova A., Stammler F., ‘How the North Became Home. Attachment to Place among Industrial Migrants in Murmansk Region’, Huskey L., Southcott C. (eds.), *Migration in the Circumpolar North: Issues and Contexts*. Alberta: CCI Press, 2010, pp. 193–220.
- Bondi L., ‘Making Connections and Thinking through Emotions: Between Geography and Psychotherapy’, *Transactions of the Institute of British Geographers New Series*, 2005, vol. 30, no. 4, pp. 433–448.
- Bowlby J., *Attachment and Loss: Attachment*. New York: Basic Books, 1969, vol. 1, 325 pp.
- Convery I., Corsane G., Davis P. (eds.), *Making Sense of Place: Multidisciplinary Perspectives*. Woodbridge: Boydell Press, 2012, 334 pp.

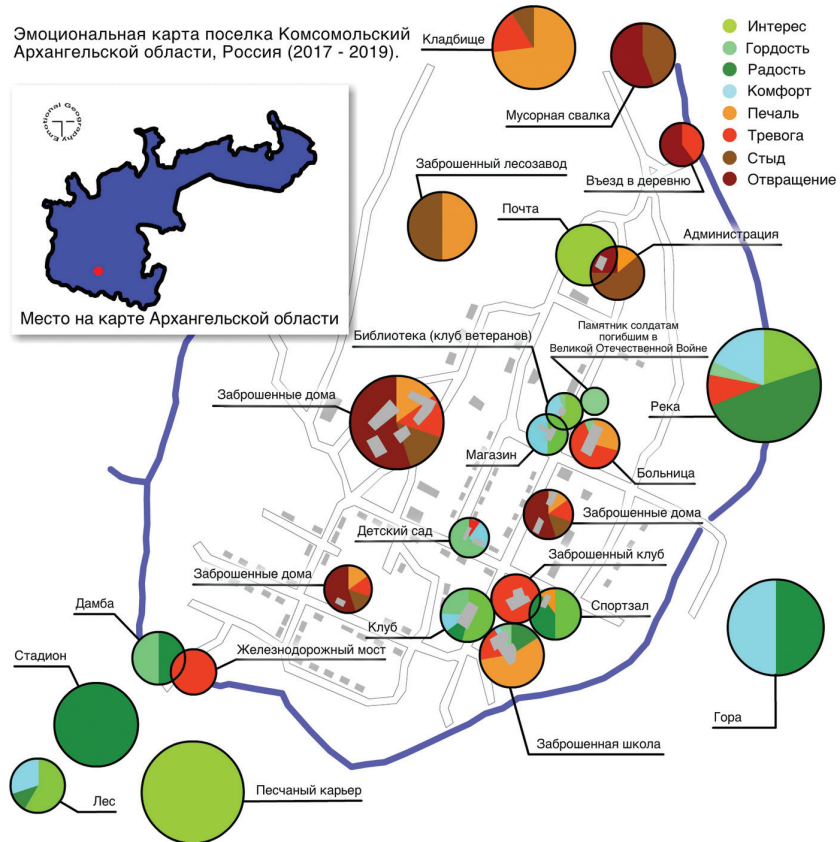
- D'Andrade R., Egan M., 'The Colors of Emotion', *American Ethnologist*, 1974, no. 1, pp. 49–63.
- Darwin C., *The Expression of the Emotions in Man and Animals*. London: John Murray, 1872, 374 pp.
- Dietz M., Notley T., Catanzaro M., Sandbach K., Third A., 'Emotion Mapping: Using Participatory Media to Support Young People's Participation in Urban Design', *Emotion, Place and Society*, 2018, no. 28, pp. 9–27.
- Ekman P., *Psikhologiya emotsiy* [The Psychology of Emotions]. St Petersburg: Piter, 2010, 334 pp. (In Russian).
- Ekman P., Cordaro D., 'What is Meant by Calling Emotions Basic', *Emotion Review*, 2011, no. 3, pp. 364–370.
- Ellard C., *Places of the Heart: The Psychogeography of Everyday Life*. New York: Bellevue Literary Press, 2015, 256 pp.
- Flam H., 'Emotions' Map: A Research Agenda', Flam H., King D. (eds.), *Emotions and Social Movements*. London: Routledge, 2005, pp. 19–40. doi: 10.4324/9780203013526.
- Global Age-friendly Cities: A guide. Geneva: World Health Organization, 2007, 82 pp. <<https://www.jcafc.hk/uploads/docs/Global-Age-friendly-Cities-A-Guide-1.pdf>>.
- Grishina N. V., *Psikhologiya konflikta* [Psychology of Conflict]. St Petersburg: Piter, 2008, 544 pp. (In Russian).
- Harre R. (ed.), *The Social Construction of Emotion*. Oxford; New York: Basil Blackwell, 1986, 316 pp.
- Hay R., 'Sense of Place in Developmental Context', *Journal of Environmental Psychology*, 1998, vol. 18, pp. 5–29.
- Herzfeld M., 'Honor and Shame: Problems in the Comparative Analysis of Moral Systems', *Man*, 1980, vol. 15, pp. 339–351.
- Izard C., 'Cross-Cultural Perspectives on Emotion and Emotion Communication', Triandis H. (ed.), *Handbook of Cross-Cultural Psychology*. Boston, MA: Allyn and Bacon, 1980, pp. 185–221.
- Kemper T., *A Social Interactional Theory of Emotion*. New York: John Wiley, 1978, 459 pp.
- Kliueva V. P., 'Bezhat nelzya vernutsya: ekstremalnye emotsii nekorennykh severyan' [Leave Not Stay: Extreme Emotions of Non-indigenous Northerners], *Kunstkamera*, 2018, no. 2, pp. 66–73. doi: 10.31250/2618-8619-2018-2-66-73. (In Russian).
- Kowalska M., Wrobel M., 'Basic Emotions', Zeigler-Hill V., Shackelford T. K. (eds.), *Encyclopedia of Personality and Individual Differences*. Cham: Springer International Publishing, 2017, pp. 1–6. doi: 10.1007/978-3-319-28099-8_495-1.
- Küller R., 'Environmental Assessment from a Neuropsychological Perspective', Gärling T., Evans G. W. (eds.), *Environment, Cognition and Action: An Integrated Approach*. Oxford: Oxford University Press, 1991, pp. 111–147.
- Levenson R., 'Basic Emotion Questions', *Emotion Review*, 2011, vol. 3, no. 4, pp. 379–386. doi: 10.1177/1754073911410743.
- Lindholm C., *Generosity and Jealousy: The Swat Pukhtun of Northern Pakistan*. New York: Columbia University Press, 1982, 321 pp.

- Linger D., 'Identity', Casey C., Edgerton R. B. (eds.), *A Companion to Psychological Anthropology: Modernity and Psychocultural Change*. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publishing, 2007, pp. 185–200.
- Livingston M., Bailey N., Kearns A., *People's Attachment to Place — The Influence of Neighbourhood Deprivation*. York: Joseph Rowntree Foundation, 2008, 104 pp.
- Lobova V. A., 'Chelovek v Arktike: depressii i udovletvorennost' trudom' [Man in the Arctic: Depression and Job Satisfaction], *GoArctic*, 2018, April 19. <<https://goarctic.ru/society/chelovek-v-arktike-priroda-depressiy/>>. (In Russian).
- Lutz C., White G., 'The Anthropology of Emotions', *Annual Review of Anthropology*, 1986, vol. 15, pp. 405–436.
- Matsumoto D., Willingham B., 'Spontaneous Facial Expressions of Emotion of Congenitally and Noncongenitally Blind Individuals', *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009, no. 1, pp. 1–10.
- Nenko A., Petrova M., 'Emotional Geography of St. Petersburg: Detecting Emotional Perception of the City Space', *Communications in Computer and Information Science*, 2018, vol. 859, pp. 95–110.
- Nikolai F. V., Khazina A. V., 'Istoriya emotsiy i "afektivnyy povорот": problemy dialoga' [The History of Emotions and the "Affective Turn": Problems of Dialogue], *Dialog so vremenem*, 2015, no. 50, pp. 97–115. (In Russian).
- Nold C., *Emotional Cartography. Technologies of the Self*. London: Space Studios, 2009. <<http://emotionalcartography.net>>.
- Pile S., 'Emotions and Affect in Recent Human Geography', *Transactions of the Institute of British Geographers: New Series*, 2010, vol. 35, no. 1, pp. 5–20.
- Plutchik R., *Emotion: A Psychoevolutionary Synthesis*. New York: Harper & Row, 1980, 440 pp.
- Radina N., 'Sotsialnaya psikhologiya gorodskogo obraza zhizni: gorod strakha' [Social Psychology of City Life: Fear and Risk Areas in City Space], *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo*, 2012, no. 1, pp. 126–141. (In Russian).
- Skrupskaya Yu., Migration in the Arctic Region: Working paper WP7/2020/02 / National Research University Higher School of Economics. Moscow: Higher School of Economics Publ. House, 2020, 41 pp. <https://www.hse.ru/data/2020/06/17/1607980066/WP7_2020_02_____.pdf>.
- Svasek M., 'Emotions and Human Mobility: Key Concerns', Svasek M. (ed.), *Emotions and Human Mobility: Ethnographies of Movement*. London: Taylor & Francis, 2012, 168 pp. doi: 10.4324/9780203718681.
- Zamiatina N. Yu., 'Naselenie Arktiki: starikam zdes ne mesto?' [Population of the Arctic: No Place for the Elderly?], *GoArctic*, 2019, Dec. 13. <<https://goarctic.ru/society/naselenie-arktiki-starikam-zdes-ne-mesto/>>. (In Russian).
- Zamiatina N. Yu., 'Arkticheskaya urbanizatsiya: fenomen i sravnitelnyy analiz' [Arctic Urbanization: Phenomenon and Comparative Analysis], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 2020, no. 4, pp. 69–82. (In Russian).
- Zhigaltsova T., 'Charting of Emotions of the Senior Population of a Small Rural Locality in the Euro-Arctic Zone of Russia', *SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences*, 2020, no. 3, pp. 28–42.

- Zhigaltsova T., 'Emotional Tapestry of Small Cities: Emotional Perception of Urban Environments by Swedish and Finnish Senior Citizens', *Suomen Antropologi: Journal of the Finnish Anthropological Society*, 2022, vol. 46, no. 2, pp. 30–50. doi: 10.30676/jfas.v46i2.102863.
- Zhigaltsova T., 'Favorite and Least Favorite Places of the Northern Border Cities', Hossain K. et al. (eds.), *Human and Societal Security in the Circumpolar Arctic: Local and Indigenous Communities*. Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2018, pp. 357–384.
- Zhigaltsova T. V., Usov A. A., 'Prostranstvenno-planirovochnaya struktura i zhilishchno-khozyaystvennyy kompleks poseleniy Onezhskogo Pomorya na primere s. Vorzogory Onezhskogo rayona Arkhangel'skoy oblasti' [The Spatial Planning Structure, Housing and Utility Complex of Settlements of the Onezhskoye Pomorye], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 1, pp. 180–197. doi: 10.31857/S086954150008767-3. (In Russian).

Ил. 2. Интерактивная эмоциональная карта п. Комсомольский, 2017–2019.
Автор Т. Жигальцова, дизайн: С. Жигальцов. <<http://emogeography.com/emotional-maps.html>>

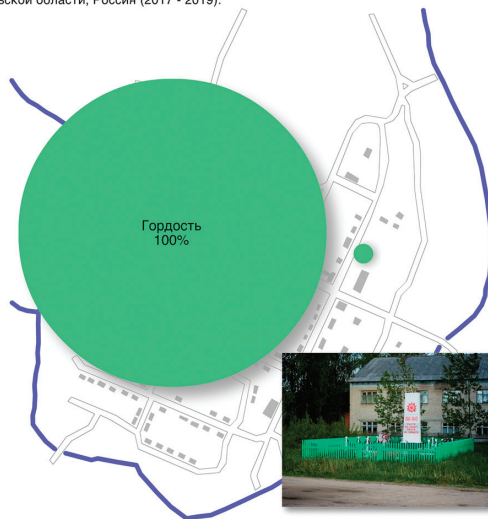
Эмоциональная карта села Малошуйка (Абрамовская)
Архангельской области, Россия, 2019 год.

Архитектурный ансамбль

Фото Татьяна Жигальцова

Эмоциональная карта поселка Комсомольский
Архангельской области, Россия (2017 - 2019).

Памятник солдатам погибшим
в Великой Отечественной Войне

Фото Татьяна Жигальцова

Ил. 3. Места гордости: архитектурный ансамбль в с. Малошуйка (слева) и Памятник погибшим солдатам в Великой Отечественной войне в п. Комсомольский (справа). Автор Т. Жигальцова, дизайн: С. Жигальцов.

<<http://emogeography.com/emotional-maps.html>>

Илл. 4. Места интереса среди туристов в с. Ворзогоры: колодец, шалаш из веток на пляже, магазина (общественный амбар), памятник уроженцам Ворзогор, 40-метровый пригор на берегу Белого моря, архитектурный ансамбль, Белое море.
Фото Т. Жигальцовой, 2018 г.